

rum... (XI, 21), De cydonite (XI, 20), De diamoro (X, 16), De omphacomeli (IX, 13), De aceto (VIII, 8), De hydromelli (VIII, 7), Alfita (VII, 12) и др. Может быть, такими заголовками была снабжена вся книга.

Композиция трактата Палладия оригинальна. Ничего подобного мы не находим ни у латинских, ни у греческих агрономов. Это — своеобразная инструкция сельскому хозяину, написанная сжато и последовательно. Таким образом, сочинение позднеимперского агронома является важным, интересным и достаточно достоверным источником, позволяющим глубже проникнуть в еще мало исследованные вопросы экономики эпохи заката античного общества.

В. Г. Гаврилов

THE AUTHENTICITY OF THE PALLADIAN *DE RE RUSTICA*

V. G. Gavrilov

Analysis of the treatise shows that Palladius owned many estates in different parts of Italy. Long years of experience in organising farm operations on these estates gave him a vast fund of knowledge in many branches of agriculture. In his polemics with other agronomists he often refers to this experience. Study of his verb forms shows that Palladius relied not only on his own experience but made extensive use of that of his contemporaries and of the earlier traditions of Italian agricultural methods. He was well versed in Greek and Roman agricultural literature, from which he took much, reworking it in his own way. For, the author stresses, the experience of others is by no means the main content of Palladius' treatise. The composition of this work is markedly original, and this too speaks for the authenticity of the work. These factors — his own wide ranging experience and his familiarity with the literature on the subject — enabled Palladius to contribute much that was new and extremely interesting to the science of agriculture. In short, his treatise is an important and sufficiently authentic source for the study of late Roman economics.

ЛЕГЕНДА О ГРОБНИЦЕ ОВИДИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Теме «Овидий в русской литературе» посвящен ряд содержательных исследований. Выяснено, что впервые его произведения упомянуты у нас в памятнике XII—XIII вв. «Великого книжника антиохийского о колядах и о нопех и о идех възглашение к некоему его другом» — переводе автора V в. н. э. Ретория. Во второй половине XVII в. появился перевод «Метаморфоз» на славянский язык, выполненный в Киеве с польского перевода Валерианом Отфиновским¹. В XVIII в. напечатано несколько переводов произведений Овидия уже с оригинала.

В конце XVIII — первой трети XIX в. в русской поэзии возник цикл стихотворений об Овидии, его изгнании и его гробнице. Толчком к этому послужил выход России к Черному морю, примерно к тем местам, где жил в ссылке и умер великий римский поэт. В 1795 г. в связи с учреждением новой Вознесенской губернии стихи об Овидии опубликовали

¹ П. Н. Берков, Овидий в русской литературе XVII — начала XVIII века, «Вестник ЛГУ», т. 14. История, язык, литература, вып. 3, 1973, стр. 88, 89.

В. Г. Рубан и Г. Н. Городчанников². В 1798 г. С. С. Бобров сочинил балладу «Могила Овидия славного любимца муз»³. В последние годы XVIII в. написана поэма А. Н. Радищева «Бова». Там также идет речь о могиле Овидия⁴. Тема «Овидий в Скифии» привлекала К. Н. Батюшкова⁵. А. С. Пушкин в перипод южной ссылки создал целый «Овидиев цикл» поэтических произведений⁶. О могиле Овидия в прозе и в стихах говорится в повести А. Ф. Вельтмана «Странник»⁷. Завершением этого цикла можно считать «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова, изданные в 1836 г., но связанные с поездкой поэта в Болгарию в 1829 г. Во второй элегии «Томис» также вспоминается «гроб Овидия»⁸.

Литературоведы, разбравшие эти произведения, иногда ссылались на существовавшую в XVI—XVIII вв. легенду, будто где-то на юге сохранилась гробница Овидия⁹. К сожалению, их сведения об этой легенде были неполными, им остались неизвестными основные посвященные ей работы. Отсюда ряд ошибок и неточностей, проникших в нашу литературу. С другой стороны, в специальных исследованиях об этой легенде, где учтены сотни публикаций, привлечены лишь случайные русские источники. Так, в сводке Д. Траппа 1973 г. упомянуто только об основании города Овидиополя и о легенде, будто Пушкин провел в «башне Овидия» целую ночь. (Произведений русского поэта об Овидии Д. Трапп не знает¹⁰.) Недостаточно полно использованы русские материалы и в наиболее интересных для нас статьях об Овидии в польской и румынской литературной традиции¹¹. Поэтому представляется целесообразным посвятить легенде о гробнице Овидия в России специальную заметку, дав обзор известных на сегодняшний день русских источников.

Творчество Овидия не было забыто в эпоху средневековья. Из «Посланий с Понта» и элегий «Скорби» книжные люди знали, что в 9 г. н. э. Овидий был выслан императором Августом в город Томы в Причерноморье и, не дождавшись помилования, умер там в 17 или начале 18 г. н. э. Резко возрос интерес к истории ссылки Овидия в эпоху Ренессанса. Это движение захватило, как известно, не только Италию. Но если итальянские гуманисты могли сравнительно легко разыскивать и собирать памятники классической древности, то прошлое Центральной и Юго-Восточной Европы знали тогда плохо.

² Н. М[и з к о], Овидий в русской литературе, «Москвитянин», т. IV, 1854, № 14, стр. 83—90.

³ С. С. Б о б р о в, Рассвет полночи, ч. II, СПб., 1804, стр. 127—137.

⁴ А. Н. Р а д и щ е в, Полн. собр. соч., т. I, М.—Л., 1938, стр. 32.

⁵ Сочинения К. Н. Батюшкова, т. III, СПб., 1886, стр. 456.

⁶ См. обзор: З. А. Б о р и н е в и ч-Б а б а й ц е в а. Овидиев цикл в творчестве Пушкина, в сб. «Пушкин на юге», т. I, Кишинев, 1958, стр. 164—178.

⁷ А. Ф. В е л ь т м а н, Странник, т. I, М., 1831, стр. 89.

⁸ Стихотворения Виктора Теплякова, ч. 2, СПб., 1836, стр. 11—21, 85—86.

⁹ А. И. Я ц и м и р с к и й, Румынские параллели и отрывки к некоторым произведениям А. С. Пушкина, «Русский филологический вестник», XLV, Варшава, 1901, стр. 205—213; А. И. М а л е и н, Пушкин и Овидий, в сб. «Пушкин и его современники», XXIII—XXIV, Пг., 1916, стр. 58, 59; М. П. А л е к с е е в, К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова», в сб. «Радищев. Статьи и материалы», Л., 1950, стр. 171; Г. Ф. Б о г а ч, Пушкин и молдавский фольклор, Кишинев, 1967, стр. 92, 103.

¹⁰ J. B. T r a p p, Ovid's Tomb. The Growth of the Legend from Eusebius to Laurence Sterne, Shateaubriand and George Richmond, «Journal of the Warburg and Courtauld Institutes», XXXVI, L., 1973, стр. 59.

¹¹ G. P r z y c h o s k i, Grób Owidjusza w Polsce, «Prace Towarzystwa naukowego Warszawskiego», I, Wydział językoznawstwa i literatury, № 8, 1920; T. M i k u l s k i, U grobu polskiego Owidjusza, Kraków, 1936 (Odbitka z «Prac historyczno-literackich ku czci Ignacego Chrzanowskiego» [В СССР эти книги есть только в научной библиотеке им. Василия Стефаника АН УССР во Львове; последняя статья далее цитируется по переизданию в кн. T. M i k u l s k i, Rzeczy Staropolskie, Wrocław, 1964 («Studia Staropolskie», 14), стр. 302—323]; N. L a s c u, Ovidiu în România, в кн.: «Publius Ovidius Naso. XLIII î. e. n.—MCMLVII e. n.», Bucurest, 1957, стр. 333—580.

Ссылка Овидия куда-то на северо-восток Римской империи (где находились Томи, было прочно забыто) воспринималась людьми, читавшими древних авторов, чуть ли не как самый яркий эпизод в ранней истории их (той или иной) страны. Особенно волновали слова Овидия о его стихах на гетском языке. Что это за язык, никто не знал, но поскольку это не латынь, предполагали, что это язык какого-то ныне существующего народа. В ту пору многим хотелось думать, что в период расцвета греческой и римской цивилизации рядом с античной процветала и «своя», «гетская» литература.

Поэтому сведения о жизни Овидия среди «варваров» включались в сочинения польских хронистов Марцина Бельского (1564 г.) и его сына Иоахима (1597 г.), Мацея Стрыйковского (1582 г.)¹² и в молдавскую летопись Мирона Костина (1684 г.)¹³. Слова Стрыйковского, что Овидий был в тех местах, где расположены Очаков, Канев, Черкассы и Киев, может быть, положили начало легенде о гробнице поэта в Киеве. В 1586—1590 гг. Петр Видавский написал стихи о жизни Овидия среди поляков¹⁴. В дилетантских сочинениях по истории рассказы о том, что он жил при дворе польского короля, повторялись вплоть до середины XIX в.¹⁵

Все это хотелось подтвердить ссылками на какие-то вещественные памятники. В 1540 г. королеве венгерской Изабелле было поднесено серебряное перо, якобы принадлежавшее Овидию и найденное в Белграде¹⁶. В нескольких причерноморских городах стали показывать дома и башни, где будто бы жил поэт-изгнанник¹⁷. В том же XVI в. впервые заговорили и о сохранившейся гробнице Овидия. В наиболее ранних сообщениях мы читаем, что она обнаружена в городе Сомбатхей (или по-немецки, Штейн-намангер), стоящем на месте римского города Савария в Подунавье. Сведения об этой находке, якобы сделанной в 1508 г. содержатся в книгах Вольфганга Лациуса (1551 г.), Гаспара Брускиуса (1553 г.), Стефана Замойского (1598 г.), Абрахама Ортелиуса (1578, 1598 гг.). В последнем издании приведен текст латинской надписи на надгробии (о ней мы еще скажем ниже)¹⁸.

Верны ли эти известия, проверить было нетрудно. К тому же Сомбатхей находится хоть и в Подунавье, но не у берега Черного моря, как Томи, куда был выслан Овидий. Поэтому легенда о могиле Овидия в Сомбатхее угасла довольно скоро.

По-иному сложилась судьба другого варианта легенды, будто гробница Овидия сохранилась где-то в степях Поднепровья. Первым написал об этом в 1585 г. курляндский историк Лоренц Мюллер, бывший в 1580—

¹² Mikulski, ук. соч., стр. 306—307.

¹³ Lascu, ук. соч., стр. 374—386; Богач, ук. соч., стр. 91.

¹⁴ Przychowski, ук. соч., стр. 12, 13.

¹⁵ A. Bielowski, Wstęp krytyczny do dziejów Polski, Lwow, 1850, стр. 378—398.

¹⁶ А. Черч, Овидий, СПб., 1877, стр. 157.

¹⁷ Lascu, ук. соч., стр. 366; Трапп, ук. соч., стр. 39—61.

¹⁸ Przychowski, ук. соч., стр. 4—6. В Музее книги Библиотеки им. В. И. Ленина (далее — МКГПБЛ) есть более позднее издание книги Ортелиуса: Abrahami Ortelii Antverpiani Thesaurus geographicus recognitus et auctus. Nanovia, 1611 (см. статью Sabaria). Еще раньше эпитафия опубликована в книге «Monumenta sepulcra cum epigraphis ingenio et doctrina excellentium viroborum aliorumque tam prisca quam nostri seculi memorabilia hominum de archetypis expressa. Ex liberalitate Sigfridi Rybisch. Per Tobias Fendt in aes incisa et aedita». Breslau, 1574, табл. 6 (МКГПБЛ). Место находки камня не указано. Ряд соображений позволяет думать, что сведения о нем восходят к Е. Войновскому. См. ниже и «Библиографическая заметка по поводу статьи г. проф. Дубровского «Мюллеровы записки о царствовании Стефана Батория», «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 93, 1857, стр. 36.

1585 гг. послом при дворе Стефана Батория. По словам Мюллера, в 1581 г. во время путешествия по Поднепровью он познакомился с волинским дворянином, чью фамилию он передает как «Войнуски». Это был очень просвещенный человек, поэт, знаток греческого и древнееврейского языков, будто бы обладавший экземпляром разыскивавшегося тогда сочинения Цицерона «De re publica». «Войнуски» предложил показать Мюллеру могилу Овидия, пояснив, что распространенное на Волини предание о гробнице поэта в Киеве ошибочно. В шести днях пути от Днепра в глухом краю Мюллер увидел заросший колодезь, а рядом камень с эпитафией:

Hic situs est Vates, quem divi Caesaris ira
Augusti Latio cedere iussit humo,
Saepe miser voluit patriis occumbere terris
Sed frustra: hunc illi fata dedere locum ¹⁹.

Здесь поэт погребен, которому бог прогневленный,
Август, путь указал прочь из Латинской земли.
Часто несчастный желал в родном упокоиться крае —
Тицетно: судьба для него место назначила здесь.

(Перевод М. Г.)

Рассказ Мюллера повторен в ряде изданий: в хронике Станислава Сарницкого (1587 г.), в книгах Михаила Иссельта (1602 г.), Шимона Старовольского (1655 г.), Веспасиана Коховского (1674 г.), Габриэля Ржончинского (1721 г.), Самюэля Тимона (1733), Бенедикта Хмеловского (1746 г.) и других ²⁰.

Исследование Г. Пшиходского показало, что «Войнуски» Мюллера — реальное лицо — Еремия Войновский — трембовельский судебный подстароста, автор нескольких поэм на латинском языке. Реально существовал и камень. Антонио Поссевин писал в 1604 г., что он видел его в Гнезно, куда надгробие специально было доставлено ²¹. В свете всего этого можно предполагать, что Мюллер не выдумал рассказ о своей поездке к могиле Овидия, а что Войновский показывал путешественнику воздвигнутый им самим кенотаф ²². Сочиненная Войновским эпитафия была потом отнесена Ортелиусом к находке в Сомбатхее ²³.

Второй вариант легенды о гробнице Овидия оказался гораздо более живучим, чем первый. Это неудивительно: теперь речь шла о глухом труднодоступном месте без точной привязки к каким-либо известным пунктам. В 1715 г. сведения Мюллера были повторены в латинском «Описании Молдавии» Дмитрия Кантемира, изданном и по-немецки в 1769 г., и по-русски — позднее — в 1789. Кантемир, взявший эти сведения у С. Сарницкого (о чем говорит и сам), утверждал, что Овидий был сослан в нынеш-

¹⁹ L. Müller, Polnische, Liffländische, Moschowiterische, Schwedische und andere Historien, so sich unter diesem jetzigen König zu Polen zugetragen, Frandcroft am Main, 1585, стр. 80, 81 (МКГПБЛ).

²⁰ Przychowski, ук. соч., стр. 8, 9; Mikulski, ук. соч., стр. 309—313; «Stanislaw Sarnicki Annales sive De origine et rebus gestis Polonorum et Lituanorum», Krakow, 1587, стр. 73—74 (МКГПБЛ); Nowy Ateny albo Akademii Wszelkiej szylcy i pelpna Przes xiedza Benedykty Chmielowskiego, Czesz 2, Lwow, 1746, стр. 326 (МКГПБЛ).

²¹ Przychowski, ук. соч., стр. 9, 10. В МКГПБЛ есть более позднее издание: Doctoris Antonii Possevini junioris philosophi et medici mantuani Gonzaga calci operis addita genealogie totius familiae, Mantuae, 1627, стр. 781—782.

²² Przychowski, ук. соч., стр. 7, 11. Во всех русских статьях на эту тему сохранена ошибочная транскрипция фамилии шляхтича — «Войнуцкий».

²³ М. П. Алексеев (ук. соч., стр. 171) писал, что эпитафия из Поднепровья повторяет надпись, изданную ранее как эпитафия из города Штайнца. В действительности положение обратное.

ний Аккерман (мнение, восходящее к И. Бельскому и М. Костину), и склонен был привязывать находку надгробия к близким к этому городу районам ²⁴.

В 1788 г. о гробнице Овидия в шести днях пути от Днепра и эпитафии на ней вновь написал в книге о Малороссии и запорожских казаках Иоганн Бенедикт Шерер — профессор Тюбингенского университета, служивший ранее в Петербурге в юстиц-коллегии. Он верил, что это подлинная гробница Овидия ²⁵.

В 1831 г. упомянул о гробнице Овидия и писатель А. Ф. Вельтман. Он почему-то считал, что Овидий жил в ссылке в городе Мангалия, и предполагал, что камень с его могилы привезли в Молдавию случайно вместе с балластом на корабле ²⁶. Очевидно, Вельтман узнал об этом камне из книги Д. Кантемира. Позднее Вельтман прочел заметку В. А. Линовского, где указывался источник сведений Кантемира и приводилось по Сарницкому отсутствовавшее у Мюллера название местности — «Азак» ²⁷. Вельтман решил, что это не что иное, как Азов, и что Овидий окончил свои дни не в устье Дуная, а в устье Дона ²⁸. Статья А. Ф. Вельтмана «Дон — место ссылки Овидия» в 1866 г. была уже анахронизмом. Более чем за десять лет до этого по эпиграфическим находкам в Констанце П. В. Беккер установил, что древние Томи располагались на месте этого современного порта ²⁹.

Так продолжалось в пределах нашей страны развитие легенды, зародившейся в XVI в. в Польше. Параллельно возникали другие легенды. В 1581 г. Мюллер слышал рассказ о могиле Овидия в Киеве. Отражение этой легенды мы находим и в других источниках. Виленский пастор Иоанн Гербиний, никогда в Киеве не бывавший, но собиравший с помощью Инокентия Гизеля сведения о достопримечательностях этого города, напечатал в 1675 г. в Иене на латинском языке книгу «Подземный Киев». Там, в частности, упоминаются и отвергаются предания, будто Киев — это древняя Троя, а в киевских пещерах похоронены Приам, Гектор и Ахилл и то, что Киев был местом ссылки Овидия ³⁰. В книге о своем путешествии по России молдавский епископ Пахомий (умер в 1724 г.) упомянул, что от Мирона Костина он слышал о мощах императора Овидия, хранящихся в Киеве, но при посещении Киево-Печерской лавры убедился, что это неверно. Костину говорили об этом в период его учения во Львове. Пе-

²⁴ Дмитрия Кантемира историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 21—23.

²⁵ I. B. Scherer, Annales de la Petite Russie ou l'histoire des cosaques zapороgues, I. Strassbourg, 1788, стр. 6—9.

²⁶ Вельтман, Страник, т. I, стр. 89.

²⁷ В. А. Линовский, Гробница Овидия, «Записки Одесского Общества истории и древностей», I, 1844, стр. 604 сл. Г. Ф. Богач (ук. соч., стр. 95) пишет, что фамилию автора заметки надо читать «Линовский». Это ошибка. Ср. справку о Владимире Альбертовиче Линовском в «Энциклопедическом словаре Брокгауз—Ефрон», т. XVIIa, 1896, стр. 713.

²⁸ А. Ф. Вельтман, Дон — место ссылки Овидия, «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1866, кн. 2, стр. 1—64.

²⁹ П. В. Беккер, Материалы для древностей города Томи и соседних ему приморских городов Понта Эвксинского, «Прописки», IV, М., 1854, стр. 255—309.

³⁰ Religiosae Kijoviensis crypte sive Kijovia subterranea, in quibus labyrinthus sub terra et in eo emortua a sexcentis annis divorum atque heroum graeco-ruthenorum nec dum corrupta corpora ex nomine atque ad oculum Paferico Sclavonico detegit M. Johannes Herbinus, Jena, 1675, стр. 9—13 (МКГПБЛ). Утверждение П. Н. Беркова (ук. соч., стр. 89), что в разборе этой книги Феофана Прокоповича также опровергается легенда о ссылке Овидия в Киев, неверно. Там идет речь только об ошибочности отождествления Киева с Троей. См. Рассуждение о нетлении мощей святых угодников божиих в киевских пещерах... Сочинение Феофана Прокоповича, М., 1786, стр. 93—99 (МКГПБЛ).

черские монахи пояснили Пахомию, что святым Овидий не был и как католик в православном монастыре похоронен быть не мог³¹.

Наконец, в латинской книге Стефана Шенвизнера о древностях и истории Саварии, изданной в Пеште в 1791 г., также приведена легенда о могиле Овидия в Киеве³².

Значит, эта легенда рассказывалась на протяжении двухсот лет — с конца XVI — до конца XVIII в. Почти всегда эти рассказы исходили из далеких от Киева мест — из Львова, Вильно — и всюду опровергались. Вероятно, этот вариант легенды возник в те годы, когда Киев временно вошел в состав Польского королевства (1569—1654). Поляки знали, что это очень древний город, но подлинную историю его представляли себе плохо. О лаврских пещерах рассказывали всякие небылицы. В украинской литературе XVI—XVIII вв. отражения эта легенда как будто не нашла.

К началу XVIII в. относится еще одно любопытное известие. Барон Генрих Гюйссен — составитель «Журнала государя Петра I» записал в 1709 г.: «Юная землю в округах Воронежа, нашли следы и знаки древнего гроба странного делания, того для неким мысль пришла, что под гробом мог быть прах римского пииты кавалера Овидиуса, согнанного от римского двора кесарем Августом... в округи Дона и Черного моря, и есть той мысли подпора довольно с правдою сходна: извлечена же из Овидиусова [сочинения] о стране в оной же он прожил во время своего согнания»³³. Далее идет рассуждение об элегиях Овидия «Скорби» — «унывной книге его». История ссылки поэта известна окружению Петра довольно подробно: знали, что он прожил в изгнании более восьми лет и умер уже в царствование Тиберия.

С. Л. Пештич, включивший это известие в свою «Русскую историографию XVIII века», выразил крайнее удивление по поводу этих странных рассуждений³⁴. Но нас после всего вышесказанного они не должны удивить. Мнение, что Овидий жил где-то на юге России, было распространено тогда очень широко. Воронеж, воспринимавшийся сейчас как среднерусский город, для людей петровской эпохи был городом южным — воротами к Черному морю. Ведь здесь строился флот для кампании под Азовом. Об Овидии в Московской Руси знали не хуже, чем в Киеве. В XVI в. о римском поэте писали сотрудники Максима Грека В. М. Тучков и Ф. И. Карпов³⁵. «Метаморфозы» были в библиотеках многих соратников Петра I — Я. В. Брюса, А. А. Матвеева, Ф. П. Поликарпова, Феодосия Яновского, Гавриила Бужинского³⁶. В петровское время эта книга была издана и типографски.

Вновь возрос интерес к месту ссылки Овидия и поискам его гробницы в конце XVIII в., когда границы России достигли низовьев Днестра. На левом берегу Днестровского лимана в 1793—1796 гг. была построена крепость Овидиополь. Это была первая ошибка при наименовании городов, закладывавшихся тогда по берегам Черного моря, обусловленная слабым еще знанием исторической географии. Древний Севастополь находился

³¹ Я ц и м и р с к и й, ук. соч., стр. 208. Здесь о «Путешествии по России» Пахомия говорится как о рукописи. В работе Н. Ласку (ук. соч., стр. 345) даны названия книги «Călătorie en Rusia» и год издания — 1724, без дальнейших уточнений.

³² Steph. Schœnvizner, Antiquitatum et historiae Sabariensis, libri IX, Pestini, 1791, стр. 87—89 (по Рязанскому, ук. соч., стр. 4, 11).

³³ Собрание разных записок и сочинений, служавших к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, изданное трудами и иждивением Федора Туманского, часть осьмая, СПб., 1788, стр. 40, 41.

³⁴ С. Л. Пештич, Русская историография XVIII века, ч. I, Л., 1961, стр. 136.

³⁵ Берков, ук. соч., стр. 88—89.

³⁶ С. П. Луппов, Книга в России в первой четверти XVIII века, Л., 1973, стр. 202, 226, 236, 255, 261.

не в Крыму, а на месте современного Сухуми. В XVIII в. Севастополем называли древний Херсон, а Херсоном — город в устье Днестра. Версию, что Овидий был сослан в низовья Днестра, выраженную еще в польских и молдавских хрониках XVI—XVII вв. и в книге Д. Кантемира, пытались подтвердить и археологически. В 1795 г. военный инженер Ф. П. Дево-лан (бранантский дворянин, перешедший на русскую службу в 1787 г.), возводя укрепления Овидиополя, наткнулся на древнюю могилу — ка-менный ящик с костяком, сопровождавшийся двумя амфорами. Возникло предположение, что это и есть могила Овидия. Доктор Метью Гатри по-слал из Петербурга три доклада о ней Обществу антиквариев в Лондоне³⁷. Сообщения о могиле Овидия, найденной русскими солдатами на Днестре, появились и в парижских газетах³⁸. Письмо Деволана о находке и ри-сунки могилы и вещей из нее были изданы в 1801 г. академиком П. С. Пал-ласом. Сам он не сомневался, что Овидий в Поднепровье никогда не был³⁹. Сенсационные слухи заглохли. Косвенным откликом на них была публикация стихотворений В. Г. Рубана и Г. Н. Городчанинова. В прост-ранном заглавии к стихам В. Г. Рубана говорилось об Овидии, «погребен-ном при Понте Эвксинском или Черном море при устье древнего Тираса или нынешнего Днестра в месте прежде Томи после Аджиндера ныне ж Овидиополь»⁴⁰.

В пушкиноведческой литературе принято, что упоминания о гробнице Овидия в посланиях 1821 г. «Чаадаеву», «К Овидию»⁴¹ и других произве-дениях Пушкина периода южной ссылки являются откликом на рассказ Л. Мюллера, включенный в книгу Д. Кантемира⁴². Поэт читал эту кни-гу, но не менее вероятно, что он знал и о гораздо более недавних спорах вокруг находки Ф. П. Деволана. Во всяком случае позабавившее Пуш-кина разъяснение И. П. Липранди, что Овидиево озеро у Аккермана не Овидиево, а Овечье («не Ovidiolui, a oviolui») ⁴³, придумано не им, а содер-жится в книге П. С. Палласа⁴⁴.

Легенда о гробнице Овидия очень волновала литераторов эпохи ро-мантизма. Об этом свидетельствуют и многочисленные произведения за-падноевропейской литературы (Шатобриан, 1809 г.)⁴⁵ и ряд русских от-кликов. «Кеппен опять собирается в поход к своей Ольвии! — писал Ев-гений Болховитинов В. Г. Анастасевичу. — Авось, найдет там и Овидиев гроб»⁴⁶.

К первой половине XVIII в. относятся наиболее ранние польские публикации, где говорилось, что местом ссылки Овидия было Полесье,

³⁷ M. Guthrie, A] Tour Performed in the Years 1795-6 through the Taurida, L., 1802, стр. 16—22, 417—442. По данным М. П. Алексеева (ук. соч., стр. 171), под-линники докладов М. Гатри хранятся в отделе рукописей Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

³⁸ Черч, ук. соч., стр. 158.

³⁹ P. S. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalter-schaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, II Bd., Lpz, 1801, стр. 306—308, рис. на стр. 241, 316.

⁴⁰ М[изко], Овидий в русской литературе, стр. 83—90.

⁴¹ А. С. Пушк[ин], Полн. собр. соч. (изд. АН СССР), т. 2, кн. 1, 1947, стр. 187, 218—220; т. 6, 1937, стр. 8.

⁴² Малеин, ук. соч., стр. 58, 59; Богач, ук. соч., стр. 92; Лассе, ук. соч., стр. 358.

⁴³ И. П. Липранди, Из дневника и воспоминаний, в сб. «Пушкин в воспо-минаниях современников», т. I, М., 1974, стр. 306; Г. Ф. Богач (ук. соч., стр. 98) го-ворит, что такие объяснения мог дать лишь человек, не знающий молдавский язык.

⁴⁴ Pallas, ук. соч., стр. 306—308.

⁴⁵ Тгарр, ук. соч., стр. 35—76.

⁴⁶ Письма митрополита киевского Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу, «Русский Архив», 1889, № 7, стр. 377.

а городище Давид-городок в районе Пинска — это Овидиев-городок⁴⁷. Основания выдвигались следующие: описанный Овидием суровый климат города, куда его сослали, явно не подходит к побережью Черного моря. Между тем жители Полесья уверены, что некогда море доходило до их мест, следами чего и остались знаменитые полесские болота. Традиция держалась довольно долго (Бенедикт Хмеловский — 1747 г., Казимеж Контым — 1839, Август Беловский — 1850)⁴⁸ и нашла отражение в поэзии Людовика Кондратовича (Владислав Сырокомля — 1861 г.)⁴⁹. В русской и белорусской литературе этот вариант легенды распространения, кажется, не получил.

Самое позднее сообщение о поисках гробницы Овидия в России мы находим в неожиданном источнике — в книге М. Е. Салтыкова-Щедрина «Недоконченные беседы» (1875 г.). В ней рассказывается, как некий участник археологических съездов «хвастался, что по окончании работ съезда был устроен банкет и что на этом банкете пили из урны, в которой некогда был заключен прах Овидия. — „Вы в этом уверены?“ — спросил я. — „Еще бы не быть уверенным, коль скоро я пятнадцать лет употребил на то, что Овидий умер в Полтавской губернии в имении, принадлежащем Ивану Ивановичу Перерепенко, который и доставил на съезд урну“»⁵⁰. Разумеется, это сатира, но интересно было бы установить, каково происхождение этого рассказа. Можно высказать две догадки. Сатирик мог откликнуться на упоминавшуюся уже любительскую статью А. Ф. Вельтмана «Дон — место ссылки Овидия», вышедшую в 1866 г. Щедрин уже писал однажды о сочинениях Вельтмана, видя в них «старческую болтовню»⁵¹. Вероятнее, Впрочем, что Щедрину кто-то рассказал о III археологическом съезде, проходившем в Киеве в 1874 г. Там был сделан, в частности, совершенно любительский доклад П. С. Иващенко о древностях Полтавской губернии, как раз и названной в «Недоконченных беседах». В опубликованном тексте доклада⁵² о гробнице Овидия нет ни слова, но этот текст уже отредактирован специалистами, а в устном докладе что-то могло и быть. Не исключено, что в среде полуграмотных украинских помещиков трехвековая легенда о могиле Овидия жила и в конце XIX столетия, когда наука уже установила, где именно находились древние Томи.

Итак, известна целая серия рассказов о гробнице Овидия в России. Самые ранние относятся к XVI в., самые поздние — к середине XIX в. Можно наметить несколько вариантов легенды: восходящий к Мюллеру, киевский, полесский и т. д. Возникла легенда, очевидно, в польской среде (а не в румынско-молдавской, как думали литературоведы), откуда проникла на украинскую почву, а уже оттуда — к началу XVIII в. в Московскую Русь. Это такое же наследие эпохи Ренессанса, как и проникшая из чешских и польских хроник в нашу историческую литературу (И. Ги-

⁴⁷ Давид-городок — памятник XI—XII вв. См. Ю. В. Кухаренко, Средневековые памятники Полесья, М., 1961, стр. 21—22.

⁴⁸ Mikulski, ук. соч., стр. 318—320; Przyschowski, ук. соч., стр. 18; Nowy Ateny..., Czesz 2, стр. 326—327; Bielowski, ук. соч., стр. 378—398.

⁴⁹ Poezje Ludwika Kondratowicza, VII. Warszawa, 1872, стр. 252—255 («Owidysz na Polesiu»).

⁵⁰ М. Е. Салтыков-Щедрин, Собр. соч., т. 15, кн. 2, М., 1973, стр. 291.

⁵¹ М. Е. Салтыков-Щедрин, Собр. соч., т. 5, 1966, стр. 321—324 (реп. на кн. А. Ф. Вельтман, Приключения, почерпнутые из моря житейского. Воспитанца Сара).

⁵² П. С. Иващенко, Предания и суеверные сказания о кладах как данные к вопросу об археологической топографии Гадяцкого уезда Полтавской губернии, «Труды III археологического съезда», т. II, Киев, 1878, стр. 65—78. Одним из участников съезда был Д. И. Иловайский, знакомый с М. Е. Салтыковым-Щедриным еще со времен его службы в Рязани.

зель, А. И. Манкиев, М. М. Щербатов) легенда о золотой грамоте, данной Александром Македонским славянам.

Собранные здесь материалы как-то по-новому рисуют нам тему «Овидий в России». Они интересны и для реального комментария к произведениям классиков русской литературы, и для исследователей польско-русских литературных связей, и для освещения проблемы античного наследия в России.

А. А. Формозов

THE LEGEND ABOUT OVID'S TOMB IN RUSSIAN LITERATURE

A. A. Formozov

The author presents a survey of Russian sources relating to the legend that the tomb of Ovid survived on the Black Sea coast. He traces the progress of the legend from Poland to the Ukraine and from there to Muscovy. The material thus assembled conduces to a better understanding of certain works by A. N. Radishchev, A. S. Pushkin. M. Ye. Saltykov-Shchedrin and other Russian writers.

